

Философия / PHILOSOPHY**Логика обстоятельств против логики намерений:
смертельное «пари» Гуань Юя с Чжугэ Ляном**

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120028646-1

Андрей Андреевич Крушинский

Главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32). E-mail: zvenigor@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1126-3853.

Статья поступила в редакцию 27.10.2023.

Аннотация:

Обсуждается удивительный казус смертельного (пускай лишь для одной из сторон) «пари» между двумя центральными персонажами классического романа «Троецарствие» (Гуань Юем и Чжугэ Ляном). Причиной спора послужило оскорбительное для Гуань Юя заявление знаменитого стратега и искусного дипломата Чжугэ Ляна. Тот вдруг поставил под вопрос верность доблестного героя своему воинскому долгу (в критический миг предстоящего захвата в плен их общего на тот момент противника в лице Цао Цао). Ставкой Гуань Юя в этом пари стала его собственная голова, и он ее проиграл: предсказание Чжугэ Ляна сбылось. Главный тезис предлагаемой статьи состоит в том, что данное предвидение нельзя сводить лишь к блестящей догадке мудреца-ясновидца. По мнению автора статьи, здесь мы имеем дело с впечатляющим примером прогностической дедукции (последняя неоднократно освещалась им в предыдущих публикациях).

Волею судеб «муж чести/справедливости» 義士 попал в мучительную ситуацию двойной лояльности: с одной стороны, бремя обязательств, вытекающих из «клятвы в персиковом саду», навеки связавшей его братскими узами с названным братом Лю Бэем, а с другой — щедрые милости, которыми его в свое время осыпал Цао Цао, тем самым поставив в положение должника.

Приоритет непреложных законов арифметики, фундирующих «справедливость» в ее базовом количественном смысле равенства двух величин (например, баланса между даром и ответным даром), над нормативностью словесных обязательств был совершенно очевиден стратегемно мыслящему Чжугэ Ляну. Соответственно, ясное видение всего расклада игры в дарение/отдаривание между Гуань Юем и Цао Цао позволило ему с арифметической достоверностью вычислить победу «логики обстоятельств» (непогашенная задолженность перед Цао Цао) над «логикой намерений» (верность требованиям, вытекающим из клятвы побратимства).

Ключевые слова:

Прогностическая дедукция, образ-гештальт, справедливость 義, гексаграмма «Восприимчивость», магический квадрат *Лошу*, вычислительная рациональность, баланс между дарением и одариванием, поражение в битве у Красной скалы.

Для цитирования:

Крушинский А.А. Логика обстоятельств против логики намерений: смертельное «пари» Гуань Юя с Чжугэ Ляном // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 6. С. 158–168.

DOI: 10.31857/S013128120028646-1.

Образ против понятия

Как уже отмечалось автором этих строк ранее¹, отличительная примета стратагемной логики Древнего Китая — это **прогностическая** форма логического вывода. Когнитивная предпочтительность именно прогностического рассуждения обусловлена характерной стратегической ориентированностью китайского мышления, которая в свою очередь изначально предопределена иконичностью пиктографически-идеографической сердцевины китайской иероглифической письменности. Последняя, в дополнение к понятийно-дискурсивным коннотациям общего термина (представленного в иероглифической форме), с неизбежностью адресует к стоящему за ним визуальному образу, т.е. к предпонятийной, довербальной стадии образного восприятия и мышления. Заметим, что понятие, будучи привязано к классу подпадающих под него объектов, лишь каталогизирует уже наличествующее, загодя имеющееся в распоряжении. Образ-гештальт, напротив, метит в будущее — благодаря своей открытости дальнейшему додумыванию, уточняющему достраиванию, он способен радикальным образом преодолеть границы наличного данного, тем самым становясь прогностическим образом².

При том, что понятие по определению безусловно превалирует над образом, они обычно мирно соседствуют друг с другом в пределах одной и той же пиктограммы/идеограммы. Но иногда — при чрезвычайных обстоятельствах — выглядевшая столь надежной поверхность привычных понятий, вдруг становится ломкой, идет трещинами и, наконец, захлестывается неудержимой мощью прорвавшихся сквозь нее исходных гештальтов. При всем том стихия этой образности вовсе не столь безнадежно иррациональна, как могло бы показаться на первый взгляд. В некоторых случаях (один из которых будет представлен ниже), дело обстоит совсем наоборот: у зримых образов внезапно обнаруживается их собственный вполне рациональный порядок, а отвечающая этому порядку довербальная логика оказывается гораздо релевантнее и убедительнее, нежели вербализованная логика классов, регулирующая взаимоотношения понятий. Выразительный пример могущества этой альтернативной логики предоставляет показательный эпизод из небеспроблемного сосуществования понятийности с образностью в границах владений иероглифа 義 (*и* справедливость).

Пространство «справедливости»: центр и периферия

Область значений абстрактного понятия «справедливость» примечательным образом простирается от «должного-правильного-резонного» до «условно-конвенционального» или даже «фальшивого». Трудно поверить в то, что эти — в определенном смысле даже противоположные значения — совершенно случайным образом попали под общую крышу «справедливости». Но когда «справедливость» означает одновременно — в зависимости от контекста — то «справедливое/должное», то «конвенционально-условное» (или вовсе «фальшивое»), то могут возникать разного рода неприятные коллизии.

Для нашего анализа крайне важно, что когнитивный **статус** этих двух полярных значений одного и того же знака, очерчивающего пространство «справедливости» с центром и периферией, существенно различен. Если область «справедливого» в смысле «конвенционально-условного» достаточно периферийна, то «справедливое/должное»,

¹ См. подр.: Крушинский А.А. Рассуждение по образцу и политическое предвидение в китайской интеллектуальной традиции // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 4. С. 157–168; и особенно в: Крушинский А.А. Логика китайского стратагемного мышления // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 1. С. 153–168.

² Отсюда рождается ведущая для китайской логико-методологической мысли тема «предвещения» (前知).

напротив, центрирует пространство «справедливости»: ведь оно прочно опирается на образ, запечатленный идеограммой «справедливость». Поэтому от **понятия** «справедливость» обратимся к визуальному **образу**, положенному в основание данного понятия.

Идеограмма «справедливость» (рис. 1) складывается из двух пиктограмм: сверху жертвенный баран (羊), снизу — зубчатая секира (我). Вероятнее всего, данное их сочетание изображает религиозное жертвоприношение. В таком случае секира с непереложностью отсылает к образу ритуального рассечения-разрубания. Грозный гештальт рассечения-разрубания выступает на передний план в ходе арифметико-геометрической **формализации**³ стратегической фигуры «справедливости» 義 посредством гексаграммы № 2 «Восприимчивость» 坤 (рис. 2). Точнее, речь идет о результате взаимодействия «родительских» гексаграмм № 1 «Творчество» 乾 (乾) ☰ и «Восприимчивость» 坤 (坤) ☷, в ходе которого вторая снизу черта первой из них, поднимаясь, занимает пятую (снизу же) позицию у второй. Соответственно, пятая черта 坤, опускаясь, занимает освободившуюся вторую позицию 乾.

В оптике продиктованного «Восприимчивостью» геофилософствования⁴ стратегией справедливости оказывается образцовый жест землеустроительной демаркации, эмблематизирующий строго срединное (и потому справедливо сбалансированное) земельное размежевание. Гексаграммная формализация транспонирует иконическое послание идеограммы «справедливость» (а именно, фигуру рассечения-разрубания) в область гексаграммной диаграмматичности следующим образом: *янская* черта властно разрубает верхнюю половину гексаграммы ☷ (отметим, что разрубание выпадает на долю именно **пятой** позиции данной гексаграммы), преобразуя ☷ в ☶ и, тем самым устанавливая теллурическую справедливость.

Этот номос земли обретает зримые очертания в эталонно сбалансированной фигуре **квадрата**, соотносимого с пятой позицией гексаграммы «Восприимчивость». Приуроченность квадрата именно к пятой позиции далеко не случайна. Пятерица, помимо самоочевидной задачи чисто **геометрического** представления квадрата посредством указания на его середину, визуализируемую пересечением диагоналей (древнее изображение цифры пять в Китае выглядело следующим образом: 五), имеет и собственно **арифметический** смысл. Число пять адресует к геометризированной арифметике магического квадрата *Лошу* (рис. 3).



Рис. 1. Идеограмма «справедливость»

Figure 1. Ideogram "Justice"

Источник: 书法字典 [Словарь каллиграфии]. [Calligraphy dictionary] // URL: <http://m.shufa.daquan.la/mu0lmh.html> (дата обращения: 15.10.2023).

³ «Справедливость устанавливается в пятой [позиции гексаграммы № 2] (義立于五)» гласит субкомментарий Ли Даопина к комментарию из «Вэньянь чжуани» («直其正也, “方”其義也. 君子敬義立而德不孤) к афоризму, разъясняющему смысл второй черты этой гексаграммы (六二. 直, 方, 大, 不習无不利). См.: 李道平. 周易集解纂疏 [Ли Даопин. «Чжоу И» со сводом толкований на собрание разъяснений к «Чжоу И»]. 国学集要. 第一集. 台北: 文海出版社. 第2卷. 第135页.

⁴ Напомню, что главнейшей материализацией «Восприимчивости» является стихия земли/почвы.

■ ■	龙战于野，其血玄黄。
□ □	黄裳，元吉。
■ ■	括囊，无咎无誉。
□ □	含章可贞，或从王事，无成有终。
■ ■	直方大，不习无不利。
□ □	履霜，坚冰至。

Рис. 2. Гексаграмма «Восприимчивость» и афоризмы к ее чертам

Figure 2. Hexagram “The Receptive” and Aphorisms to Its Lines

Источник: 《易经》坤卦的笔记 [Заметки о гексаграмме № 2]. [Notes on Hexagram No. 2] // 简书. URL: <https://www.jianshu.com/p/cfe497c8a2ac?from=groupmessage@> (дата обращения: 15.10.2023).

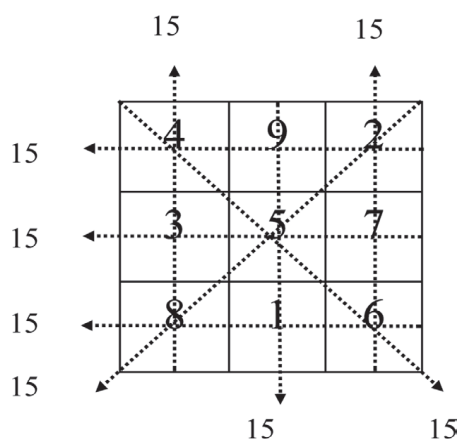


Рис. 3. Магический квадрат Лошу

Figure 3. The magic square Luoshu

Источник: рисунок автора статьи.

раздельно господствует вычислительная рациональность. Любопытно, что в качестве одного из очевидных источников того глубокого уныния⁶ (идеально персонализируемого фигурой дюреровской «Меланхолии»), в которое подвергает человека диктат цифры, великий немецкий художник выставляет именно образ магического квадрата.

Там оно занимает статусную центральную позицию⁵. В Лошу геометрическая фиксация «справедливости» 義 посредством геометрически выверенной формы квадрата усиливается арифметическим замыканием этого квадрата системой равенств (каждое из которых результирует в число 15). Такая квантификация «справедливости» (за счет апелляции к математике магического квадрата) превращает ее в безотказный инструмент для практической реализации «справедливости» в смысле справедливого «сведения счетов» — вплоть до конкретизации в виде своего рода бухгалтерии расхода/прихода, одаривания/отдаривания, проступков/расплат и т. д.

Понятно, что в надежно замкнутой системой арифметических равенств и потому тотально исчислимой «справедливости», как, впрочем, и в любом «царстве количества», без-

⁵ См. подр.: Крушинский А.А. Магический квадрат Лошу: регистр истины // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 2–1. С. 223–224. DOI: 10.17212/2075–0862–2023–15.2.1–223–244

⁶ Или, напротив, отчаянного протеста, столь язвительно выговоренного небезызвестным подпольным парадоксалистом: «Уж как докажут тебе, что, в сущности, одна капелька твоего собственного жиру тебе должна быть дороже ста тысяч тебе подобных и что в этом результате разрешатся под конец все так называемые добродетели и обязанности и прочие бредни и предрассудки, так уж так и принимай, нечего делать-то, потому дважды два — математика. Попробуйте возразить. «Помилуйте, — закричат вам, — восставать нельзя: это дважды два — четыре! Природа вас не спрашивается; ей дела нет до ваших желаний и до того, нравятся ль вам ее законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее так, как она есть, а следственно, и все ее результаты. Стена, значит, и есть стена... и т.д. и т.д.». Господи Боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся?». См.: Достоевский Ф.М. Записки из подполья: Повесть. М.: Мартин, 2022.

Вычислительная рациональность: от правдоподобного рассуждения к прогностической дедукции

Вместе с тем эта вычислительная рациональность, открывающая дорогу особой логической аргументации, когда за цифрой признается достоинство доказательства, способна стать основой того самого прогностического рассуждения (в частности, прогностической дедукции), упоминанием о котором открывалась данная статья. Действительно, в условиях вычислительной рациональности арифметические калькуляции грозят превратить судьбу не только отдельного человека, но и значительно больших человеческих общностей, в более или менее легко исчисляемую величину.

По словам прославленного ветерана «Великой войны», одного из интереснейших писателей послевоенной Германии, «рассчитанный выстрел искушенного стрелка, прицельный огонь орудий вместе с восторгом единоборства уступили место неразборчивому пулеметному огню и сконцентрированным артиллерийским ударам. Решение можно было вычислить арифметически: кто накрывал определенную площадь в квадратных метрах бóльшим количеством снарядов, тот зажимал уже победу в собственном кулаке»⁷. Строго говоря, этот высокохудожественный образ прогноза на основе количественной оценки ресурсов противников еще не представляет собой пример прогностической дедукции — в силу вероятностного характера вывода это все же не более, чем правдоподобное рассуждение. Замечательный образчик подлинно логического вывода, нацеленного в будущее, предоставляет нам захватывающая история безошибочного предвидения, разворачивающаяся на страницах знаменитого исторического романа-эпопеи «Троецарствие».

Пари

Речь идет о драматической истории своеобразного «пари» между гениальным стратегом *Чжугэ Ляном* (181–234 гг. н.э.) и великим воином *Гуань Юем* (160–219 гг. н.э.). Сюжетный контекст: акцентировано отрицательный персонаж *Цао Цао* (155–220 гг. н.э.), в качестве полководца противостоящий безусловно положительному *Чжугэ Ляну*, выступающему на стороне его противника в бескомпромиссной борьбе за власть в Поднебесной (названным братом *Гуань Юя* — *Лю Бэем* (162–223 гг. н.э.)), отступая после рокового для него поражения в битве у Красной скалы (с 208 на 209 гг. н.э.), должен угодить в сети, хитроумно расставленные для него *Чжугэ Ляном* по дороге через долину *Хуаюнь*.

Поначалу, памятуя о благодеяниях, оказанных *Цао Цао* *Гуань Юю*, необычайно дальновидный *Чжугэ Лян* отстраняет последнего (несмотря на все его выдающиеся военные успехи) от участия в операции по поимке *Цао Цао*. Основанием служит непоколебимая уверенность прозорливца в том, что, даже в случае успешного пленения выдающимся героем-воином злодейского *Цао Цао*, в свое время облагодетельствованный им *Гуань Гун* (Князь *Гуань*, как титуловался *Гуань Юй*), в решающий момент даст слабину, нарушит воинскую присягу и «непременно»⁸ отпустит своего благодетеля на свободу. Но потом, уступив настояниям героя, расчетливый политик все же рискнул возложить на непревзойденного мастера клинка ответственную миссию. Однако при этом он взял с него письменное обязательство в случае неисполнения приказа безропотно принять суровое наказание по законам военного времени.

Как видим, ставки этого необычного «пари» не только высоки, но и вдобавок просто несоразмерны. Если для *Чжугэ Ляна* проигрыш в этой игре в прогностику означает провал спланированной им операции по захвату *Цао Цао*, то его оппонент *Гуань Юй*, без-

⁷ *Юнгер Э.* Лейтенант Штурм // *Юнгер Э.* Рискующее сердце. М.: изд-во «Владимир Даль», 2010. С. 45.

⁸ Показательна модальность необходимости («непременно» 必然), четко проартикулированная провидцем.

рассудно рискуя головой, ставит на карту свою собственную жизнь. Тем не менее серьезный риск проигрыша для обоих оппонентов сохраняется. *Гуань Юй* хотя клятвенно и пообещал *Чжугэ Ляну* доставить ему *Цао Цао*, но, по убеждению *Чжугэ Ляна*, не сможет сдержать своего обещания. Вопрос о том, на чьей стороне в конечном счете окажется правда, которому из двух взаимоисключающих прогнозов суждено сбыться, остается открытым до окончания операции.

Заметим, что источник конфликта двух взаимоисключающих прогнозов — это удивительная своей категоричностью претензия мудреца-ясновидца на лучшее чем у самого *Гуань Юя* знание *Гуань Юя*. Вопреки письменно подкрепленным заверениям последнего, мудрец провидчески предсказал, что тот в ходе прямого боестолкновения с противником (т.е. с *Цао Цао*) вдруг пойдет на попятную, проявит удручающую нелояльность к своему старшему брату *Лю Бэю* и вместо того, чтобы пленить врага, позволит ему беспрепятственно уйти⁹.

В поразительной «дуэли» двух противостоящих друг другу прогнозов вполне понятна уверенность в себе прославленного своей исключительной преданностью долгу¹⁰ «мужа справедливости» (義士), каковым заслуженно прослыл *Гуань Юй*. Напротив, весьма удивительна убежденность в обратном его командира: ведь выдающийся стратег и тонкий дипломат внезапно сильно засомневался ни много, ни мало в лояльности человека, для которого «весомость справедливости подобна [весу] горы» (義重如山).

Две логики

Но все дело в том, что речь тут идет вовсе не о психологических загадках противоречивой души отчетливого рубаки. Только зафиксированный выше семантический ракурс рассмотрения — «справедливость» как наглядность образно представленного «должного» против «справедливости» как юридикзма «договорно-условного» — позволяет деперсонифицировать мнимо портретно-психологический казус, тем самым выводя его из сферы этико-психологической заурядности. То, что на первый взгляд может показаться банальной психологической коллизией чувства и долга при более пристальном рассмотрении открывается нам как столкновение «логики намерений», отсылающей к нормативности обязательств (иначе говоря, к деонтической логике¹¹), с довербальной логикой цифр, когда за ратной будничностью сложившихся вокруг *Гуань Юя* обстоятельств с роковой неотвратимостью начинает проступать лицо его судьбы.

Сначала о первой из них. Зыбкость и двусмысленность вербально сформулированных обязательств под стать непрозрачности деонтической логики и сомнительности практических рассуждений, проводимых в терминах цели/средств. Лукавую манипуля-

⁹ Действительность даже превзошла смелое предположение *Чжугэ Ляна*: *Гуань Юй* не только отпустил самого *Цао Цао*, но и вдобавок позволил тому увести с собой остатки вместе с ним попавшего в засаду отряда!

¹⁰ Соответственно, воинской присяге, за которой стояла клятва побратимства (буквально «породнение по соглашению-справедливости» 刎 и 結義), навеки связавшая *Гуань Юя* братскими узами (причем в качестве младшего по старшинству) с его названным братом *Лю Бэем*. Примечательно, что помимо достаточно общих положений («быть братьями, дабы, соединив свои сердца и свои силы, помогать друг другу в трудностях и поддерживать друг друга в опасностях, послужить государству и принести мир простому народу») эта клятва включала в себе весьма обязывающий своей недвусмысленной определенностью пункт о намерении «умереть в один и тот же год, в один и тот же месяц, в один и тот же день». *Ло Гуань-чжун*. Троецарствие. М.: Государственное изд-во художественной литературы. Т. 1, 1954. С. 19.

¹¹ В частности, к логике обязательств — разновидности практических рассуждений, традиционно возводимых к так называемому аристотелевскому «практическому силлогизму».

тивность в качестве оборотной стороны подобного рода рассуждений с впечатляющей красочностью демонстрируют читателю «Троецарствия» софистичная аргументация переговорщика по имени *Чжан Ляо* (подосланного к намеренно загнанному в угол князю *Гуаню*), всю апеллирующая к неоднозначностям понятийного аспекта «справедливости». Искусными доводами разрушая решимость последнего погибнуть во имя торжества справедливости и верности присяге, *Чжан Ляо*, в конце концов, успешно склоняет поставленного в безвыходное положение героя к капитуляции.

«Неизвестно, жив ли Лю Бэй, или погиб; судьба Чжан Фэя тоже никому неведома, — начал Чжан Ляо. — Прошлой ночью Цао Цао завладел Сяпи. Правда, он не причинил вреда ни воинам, ни народу, даже распорядился охранять семью Лю Бэя. Беспокоиться вам не о чем. Об этом я и хотел вам сообщить.

— А все же вы решили уговаривать меня! — гневно воскликнул Гуань Юй. — Из этого ничего не выйдет! Пусть я отрезан — смерти я не боюсь! Я смотрю на нее как на возвращение домой. Поживей убирайтесь отсюда! Я иду в бой!

— Над вашими словами будет смеяться вся Поднебесная, — расхохотался Чжан Ляо.

— Кто будет смеяться, если я умру во имя долга и справедливости?

— Если вы погибнете, будете виноваты втройне!

— В чем?

— Лю Бэй, вступая с вами в союз, поклялся жить и умереть вместе с названными братьями. Он только что потерпел поражение, а вы вступаете в смертельную схватку. Возможно, Лю Бэй жив, и ему еще потребуется ваша помощь, а вы ее не сможете оказать! Вот вам первое нарушение клятвы. Затем Лю Бэй поручил вам охранять свою семью. Погибнете вы, и обе его жены останутся беззащитными. Отступление от долга, возложенного на вас старшим братом, — вторая вина. И, наконец, вы обладаете необыкновенными военными способностями, которые достойны войти в историю. Вы же отказываетесь спасти Ханьский дом и предпочитаете броситься в кипяток или прыгнуть в огонь — такое деяние недостойно благородного мужа! В этом ваша третья вина.

Гуань Юй погрузился в размышления.

— Чего же вы хотите от меня? — проговорил он.

— Вы окружены войсками Цао Цао, — сказал Чжан Ляо. — В бессмысленной смерти нет никакой пользы. Послушайтесь меня, сдавайтесь Цао Цао, а потом уйдете, когда узнаете, где Лю Бэй. Вы спасете жизнь двум женщинам, не нарушите клятву, данную в Персиковом саду, и сохраните свою жизнь, которая еще принесет пользу. Вот об этих трех выгодах вам и следует подумать»¹².

Сдача в плен и последующее участие в боевых действиях на стороне *Цао Цао* будет справедливо расценено *Лю Бэем* как нарушение клятвы, т.е. отступление от справедливости (букв. «пресечение справедливости *дуань и 斷義*»)¹³, где последняя понимается именно в смысле «порочения по соглашению-справедливости», так что провинившемуся военачальнику придется впоследствии горячо оправдываться¹⁴.

¹² Ло Гуань-чжун. Троецарствие. Т. 1. С. 317–319.

¹³ 罗贯中. 三国演义 [Ло Гуаньчжун. Троецарствие]. 南昌: 江西美术出版社, 2007年. 第1卷. 第176页.

¹⁴ «Мне, недостойному, известно, что человек долга никогда не обманывает, а верный — презирает смерть. В детстве я учился, и кой-как разбираюсь и в этикете, и в долге. Я не могу не вздыхать, вспоминая о Ян Цзюэ-ае и Цзо Бо-тао. Защищая Сяпи, я был исполнен решимости держаться до смерти. Но в городе не было припасов и не приходила военная помощь извне. Кроме того, на мне лежала ответственность за безопасность двух женщин. Я не смел рисковать жизнью и предпочел поступить доверием, оказанным мне. Вот почему я стал пленником, не теряя надежды на возможность встретиться с вами. Недавно я узнал, что вы в Жунани, но не пришел: решил прежде проститься с Цао Цао и доставить вам ваших жен. Я говорю от чистого сердца. Если у меня иные намерения, пусть меня покарают люди и духи! Кистью на бумаге не изложить всего, и я надеюсь,

Но раз уж речь зашла о нарушении клятвы, то это лишний повод еще раз удостовериться в исходной дефективности подобного рода словесных обетов — помимо слишком обычной уклончивости соответствующих вербальных формулировок — их исполнение ничем кроме доброй воли поклявшихся не гарантировано даже в случае достаточной четкости проговоренных/прописанных условий.

Взять, к примеру, единственное внятное, но именно поэтому заведомо проблемное в отношении своей дословной исполнимости обязательство (в составе упомянутой выше клятвы побратимства) — обещание «умереть в один и тот же год, в один и тот же месяц, в один и тот же день». Это замечательное своей пафосностью условие счастливо спасло жизнь *Гуань Юю*¹⁵, но когда смерть все-таки настигла героя, его названный старший брат *Лю Бэй*, хотя и предался безудержной скорби, но в итоге ограничился мстостью и продолжил жить в прямое нарушение буквы священного обета¹⁶.

Чувство числа и инстинктивные умозаключения

Что касается довербальной логики цифр, то если уж мы завели речь о числах, цифрах и манипуляциях с ними, то следует сказать хотя бы несколько слов об удивительном феномене числа. Хорошо известно, что лингвистические и математические способности локализируются в различных участках мозга и напрямую друг с другом не связаны: потеря или нарушение речи вовсе не влечет за собой нарушение математических навыков. Более того, число первичней и фундаментальней даже экстралингвистического по своей природе визуального образа, поскольку адресует к еще более глубоким по сравнению со зрением уровням человеческого восприятия: «Как письмо есть расширение и отделение самого нейтрального и объективного нашего чувства, а именно зрения, так и число есть расширение и отделение самой интимной и связующей нашей активности — нашего чувства осязания»¹⁷. Тактильное чувство выступает в качестве своеобразной «нервной системы», объединяющей все остальные чувства. Недаром еще Аристотель отмечал особую роль осязания по отношению к остальным четырем чувствам, мотивируя эту особенность уникальной непосредственностью осязательного контакта: «осязаемое отличается от видимого и слышимого тем, что последние мы воспринимаем вследствие того, что среда воздействует на нас, осязаемое же мы ощущаем не через среду, а вместе со средой, подобно тому, как получают удар через щит, ибо в этом случае не щит получает удар, передает его, а принимает удар вместе и щит и тот, кто носит его»¹⁸.

Наиболее отчетливо осязаемая предметность числа проявляется в операции тактильного манипулирования при счете на пальцах рук и ног. Однако еще задолго до того, как люди научились считать, существовал, можно сказать, «инстинкт количества»: так старый пастух, который гонит свое стадо домой, без всякого пересчета способен почувствовать, что в нем не хватает одной головы.

что скоро паду ниц перед вами, и тогда все скрытое прояснится». См.: *Ло Гуань-чжун*. Троецарствие. М.: Государственное изд-во художественной литературы. Т. 1. 1954. С. 334–335.

¹⁵ «Чжугэ Лян хотел казнить Гуань Юя, но Лю Бэй этому воспротивился.

— Простите его на этот раз, учитель, — сказал он. — Пусть Гуань Юй искупит свою вину. Когда-то, вступая в союз, мы поклялись жить и умереть вместе, и хотя Гуань Юй нарушил закон, клятву свою нарушить я не могу!

И Чжугэ Лян простил Гуань Юя». См.: *Ло Гуань-чжун*. Троецарствие. М.: Государственное изд-во художественной литературы. Т. 1. 1954. С. 626.

¹⁶ Вот уж поистине: «Он клятвой великою клялся и жить и погибнуть лишь с ним, И скорбь ему сердце сжигала, что сам он остался живым». См.: *Ло Гуань-чжун*. Троецарствие. М.: Государственное изд-во художественной литературы. Т. 2. 1954. С. 224.

¹⁷ *Маклюэн М.Г.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2023. С. 140.

¹⁸ *Аристотель*. Сочинения в 4 т. М.: 1975–1983. Т. 1. С. 420.

Но в нашем случае при количественной оценке своих задолженностей друг перед другом *Гуань Юй* и *Цао Цао* опираются на числа и только на числа. Надо сказать, что эти взаиморасчеты, сыгравшие решающую роль в восстановлении справедливого баланса оказанных друг другу услуг, выглядят на редкость брутально: «...когда-то Цао Цао очень милостиво обошелся с вами, и вы еще должны отблагодарить его. Цао Цао после разгрома побегит по дороге через долину Хуаюн, и если вас туда послать, вы его отпустите. — Вы слишком подозрительны! — запротестовал Гуань Юй. — Цао Цао действительно с уважением отнесся ко мне, но ведь я отблагодарил его тем, что обезглавил Янь Ляна и Вэнь Чоу и снял осаду с Байма! Что же дает вам повод думать, что теперь я его не смогу удерживать?»¹⁹ ... — Да, я помню о ваших милостях, господин чэн-сян, — ответил Гуань Юй. — Но ведь я уже отблагодарил вас за них, убив Янь Ляна и Вэнь Чоу и сняв осаду с Байма!... — А помните, как вы убили военачальников у пяти застав? — продолжал Цао Цао²⁰.

Как видим, *Гуань Юй* фатально просчитался, решив, что расплатился с *Цао Цао* тем, что обезглавил **двух** полководцев, предводительствовавших в свое время походами против *Цао Цао* (благодаря чему, последнему удалось снять осаду с города *Байма*). В своих подсчетах он как-то совсем упустил из виду, что, покидая *Цао Цао* и прорываясь через пять застав, он расправился уже с **шестью** военачальниками этого самого *Цао Цао*. Когда же тот вернул забывчивого вояку к жестокой реальности нехитрой арифметической выкладкой, да вдобавок еще и воззвал к чувству справедливости²¹, то последовала предсказуемая реакция культового «мужа справедливости». Безотчетный в своей инстинктивности ход мысли, минующей какие-либо вербальные формулировки, напроочь лишенной любой понятийности, в конечном счете, отсылающей к животным первоосновам логики, функционирующей едва ли не на подсознательно «вегетативном» уровне, вынудил-таки злополучного *Гуань Юя* отступить от взятых на себя обязательств и тем самым подписать себе смертный приговор. Предсказуемым образом торжественная клятва побратимства не устояла под натиском более могущественных сил, таившихся в гештальте «справедливости» 義: при лобовом столкновении понятийности с инстинктивностью первая катастрофически спасовала перед второй.

* * *

В самом деле, шесть больше двух — тут не поспоришь (как бы там ни возмущался упомянутый выше ненавистник таблицы умножения). Роковое неравенство есть простая констатация априорной иерархии, задающей нерушимые отношения порядка (больше/меньше) между двумя неравными друг другу натуральными числами, соответственно, между любыми двумя отвечающими им чувственно воспринимаемыми величинами (в данном случае количествами безжалостно отрубленных *Гуань Юем* голов).

Данная однозначность, вырываясь за рамки всегда лишь предположительного статистического прогноза, оценивающего вероятность наступления того или иного события (например, позитивного исхода сражения на основе подавляющего превосходства в артиллерии у одной из противоборствующих сторон), выводит нас из унылой области более или менее убедительной статистики в светлое царство арифметической достоверности.

¹⁹ Ло Гуань-чжун. Троецарствие. М.: Государственное изд-во художественной литературы. Т. 1. 1954. С. 612–612.

²⁰ Ло Гуань-чжун. Троецарствие. М.: Государственное изд-во художественной литературы. Т. 1. 1954. С. 622.

²¹ «...для благородного мужа справедливость — это главное (буквально 義重如山 — А.К.)». См.: Ло Гуань-чжун. Троецарствие. М.: Государственное изд-во художественной литературы. Т. 1. 1954. С. 622.

Принудительность формально-логического вывода реализуется здесь в виде неоспоримой справедливости подсчетов баланса между дарением и отдариванием, по-бухгалтерски сводящих «дебит с кредитом» в символическом взаимообмене дарами. Именно непреложность законов арифметики позволила виртуозу стратегематики заранее просчитать/продедудировать неизбежность итоговой победы логики справедливости в смысле «долга» (фундируемой гексаграммным формализмом) над логикой справедливости, понимаемой как «номинально-конвенциональный» юридизм вербальных обязательств, в смертельном «парии» между ним и *Гуань Юем*.

Литература

- Аристотель*. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1975–1983. Т. 1. 550 с.
- Достоевский Ф.М.* Записки из подполья: Повесть. М.: Мартин, 2022. 143 с.
- Крушинский А.А.* Рассуждение по образцу и политическое предвидение в китайской интеллектуальной традиции // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 4. С. 157–168.
- Крушинский А.А.* Логика китайского стратегемного мышления // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 1. С. 153–168.
- Крушинский А.А.* Магический квадрат Лошу: регистр истины // *Идеи и идеалы*. 2023. Т. 15. № 2–1. DOI: 10.17212/2075–0862–2023–15.2.1–223–244.
- Ло Гуань-чжун*. Троецарствие. Пер. с кит. и комм. В. А. Панасюка под ред. В.С. Колоколова. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1954. Т. 1–2. 1584 с.
- Маклюэн М.Г.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2023. 464 с.
- Юнгер Э.* Лейтенант Штурм // *Юнгер Э.* Рискующее сердце. М.: Изд-во «Владимир Даль», 2010. 331 с.
- 李道平: 周易集解纂疏 [《Ли Даопин. «Чжоу И» со сводом толкований на собрание разъяснений к «Чжоу И»] // 国学集要. 第一集. 台北: 文海出版社, 1967年.
- 罗贯中: 三国演义 [《Ло Гуаньчжун. Троецарствие》]. 南昌: 江西美术出版社, 2007年. 第1–2卷.

The Logic of Circumstances versus the Logic of Intentions: Guan Yu's Deadly Bet with Zhuge Liang

Andrey A. Krushinskiy

Dr. Sc. (Philosophy), Chief researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000–0003–1126–3853. E-mail: zvenigor@gmail.com

Received 27.10.2023.

Abstract:

The amazing case of a deadly (albeit only for one of the parties) “bet” between the two central characters of the classic novel “The Three Kingdoms” (Guan Yu and Zhuge Liang) is discussed. The reason for the dispute was an insulting statement to Guan Yu by the famous strategist and skilled diplomat. He suddenly questioned the valiant hero’s loyalty to his military duty (at the critical moment of the upcoming capture of their common enemy at that time in the person of Cao Cao). Guan Yu’s bet in this bet was his own head, and he lost it: Zhuge Liang’s prediction came true. The main thesis of the proposed article is that this foresight cannot be reduced only to the brilliant guess of a clairvoyant sage. According to the author of the article, here we are dealing with an impressive example of predictive deduction (the latter has been repeatedly covered by him in previous publications).

As fate would have it, the “man of honor/justice” 義士 found himself in a painful situation of double loyalty: on the one hand, the burden of obligations arising from the “oath in the peach garden,” which forever bound him with brotherly ties to his named brother Liu Bei, and on the other, generous favors, with which Cao Cao showered him at one time and thereby put him in the position of a debtor.

The priority of the immutable laws of arithmetic, establishing “justice” in its basic quantitative sense of the equality of two quantities (for example, the balance between a gift and a reciprocal gift), over the normativity of verbal obligations was clear to the stratagem-minded Zhuge Liang as daylight. As for the clear vision of the entire layout of the game of giving/gifting between Guan

Yu and Cao Cao, it allowed him to calculate with arithmetical certainty the victory of the “logic of circumstances” (outstanding debt to Cao Cao) over the “logic of intentions” (loyalty to the demands arising from the oath of brotherhood).

Key words:

Predictive deduction, gestalt image, justice 義, hexagram “Receptivity”, magic square *Loshu*, computational rationality, balance between a gift and a reciprocal gift, defeat in the Battle of the Red Cliff.

For citation:

Krushinskiy A.A. The Logic of Circumstances versus the Logic of Intentions: Guan Yu's Deadly Bet with Zhuge Liang // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 6. Pp. 158–168.
DOI: 10.31857/S013128120028646-1.

References

- Aristotel'.* Sochineniya v 4 t. [Aristotle. Works in 4 volumes]. M.: Mysl', 1976. T.1. 550 s. (In Russ.)
- Dostoevskij F.M.* Zapiski iz podpol'ya: Povest' [Notes from the Underground: a story] M.: Martin, 2022. 143 s. (In Russ.)
- Krushinskij A.A.* Rassuzhdenie po obrazcu i politicheskoe predvidenie v kitajskoj intellektual'noj tradicii [Pattern Reasoning and Political Foresight in the Chinese Intellectual Tradition]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2008. No. 4. S. 157–168. (In Russ.)
- Krushinskij A.A.* Logika kitajskogo stratagemnogo myshleniya [The logic of Chinese stratagem thinking]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2018. No. 1. S. 153–168. (In Russ.)
- Krushinskij A.A.* Magicheskij kvadrat Loshu: registr istiny [*Loshu* Magic Square: Register of Truth]. *Idei i idealy*. 2023. T. 15. No. 2–1. DOI: 10.17212/2075–0862–2023–15.2.1–223–244. (In Russ.)
- Lo Guan'-chzhun.* Troecarstvie. [Romance of the Three Kingdoms]. M.: Gosudarstvennoe izd-vo hudozhestvennoj literatury. Per. s kit. i komm. *V.A. Panasyuka* pod red. *V.S. Kolokolova*. M.: T.1–2, 1954. 1584 s. (In Russ.)
- Maklyuen M.G.* Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: External Human Extensions.]. M.: Kuchkovo pole, 2023. 464 s. (In Russ.)
- Yunger E.* Lejtenant Shturm [Lieutenant Sturm]. *Yunger E. Riskuyushchee serdce*. M.: Izd-vo «Vladimir Dal'», 2010. 331 s. (In Russ.)
- 李道平: 周易集解纂疏 [*Li Daopin*. Zhou Yi with a set of interpretations on a collection of explanations to Zhou Yi]. 国学集要. 第一集. 台北:文海出版社, 1967年. (In Chin.)
- 罗贯中. 三国演义 [*Lo Guan'chzhun*. Romance of the Three Kingdoms]. 南昌: 江西美术出版社, 2007年. 第1–2卷. (In Chin.)